

молитвах Д. Василенкова проговаривается просьба, чтобы высшие духовные силы защитили бойцов во время вооруженного столкновения и помогли им во время боя. Священник считал, что если военнослужащий будет пребывать в чистоте и святости, то ему будет легче исполнять воинский долг и защищать отчизну. Когда военнослужащие не соблюдали должную чистоту и святость в бою, то священнослужитель считал их действия «греховными», неправильными, ведущими жизнь человека к гибели.

Таким образом, приведенные примеры морального поведения священника в современных вооруженных конфликтах показывают, что нормативные стратегии клириков затрагивают в основном вопросы общих задач в бою. При этом предписания морального поведения на фронте, которые дополняют законодательные акты, сформировались недавно в церковной среде. В случае понимания исхода войны в виде победы, как это представлено в кейсе Д. Василенкова, основной миссией священника на фронте являлась молитва о спасении и укреплении боевого духа военнослужащих, в которой клирик призывал к борьбе высшие силы. Данное моральное поведение на фронте оценивалось священником как проявление добродетели.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

Литература и источники

1. Zigon, J. *Morality. An Anthropological Perspective* / J. Zigon. – Berg Publishers, 2008.
2. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarhia.ru/db/text/3481010.html>. – Дата доступа: 10.01.2022.
3. Вестник военного духовенства. Основы концепции работы с верующими военнослужащими в вооруженных силах РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kapellan.ru/osnovy-koncepcii-raboty-s-veruyushhimi-voenno-sluzhashhimi-v-vooruzhennykh-silax-rf.html>. – Дата доступа: 10.01.2022.
4. Василенков, Д. Записки военного священника / Д. Василенков; под ред. С. Г. Галицкого. – СПб. : Град духовный, 2017. – С. 10–54.

ТРИ АРХЕТИПА РУССКОГО КОМАНДИРА

А. С. Луньков

Первый архетип русского командира, фигура «отца», связана с трансляцией на воинского командира патриархальной власти над подчиненными. Для русского патриархального сознания фигура отца всегда наделена практически безграничной властью над детьми до

момента их отделения в самостоятельное хозяйство (в случае с сыном) или ухода в другую семью (в случае с дочерью). Однако в ситуации рекрутского набора с длительным сроком службы, который доминировал в системе комплектования русской армии до реформы 1874 года, солдат не мог уйти из армии, отделиться от власти отца. Солдат находился в полной зависимости от командира, как в отношении мирного армейского быта, так и тем более в отношении боевых действий. Но «отец» это не только фактическое положение дел (например, биологический отец ребенка), но и юридический статус, который накладывал на обе стороны взаимодействия (на командира и солдат) определенные обязательства. Власть «отца-командира» предполагает не только распоряжение жизнью и смертью солдата, но и ответственность за него. Во многом такое положение дел связано с характером власти русского императора эпохи самодержавия, которое в этом отношении наследовала власти византийских императоров. Дополнительным фактором формирования такого архетипа командира именно в отношении старшего офицерского состава являлся возраст. Не случайно М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Бородино» пишет про полковника – «Полковник наш рожден был хватом: Слуга царю, отец солдатам...» – хотя и другие офицерские чины могли быть подобраны в ритм и рифму. Все младшие офицеры русской армии, до капитана включительно, чаще всего были моложе своих солдат. Тогда как уровень майора и полковника предполагал достаточно солидный возраст. Поэтому такой полковник как раз годился своим солдатам в отцы по возрасту.

Второй архетип командира – это «батя». Данное слово также имеет глубокие корни в славянских языках и изначально являлось уважительным обращением к старшему брату или отцу. Примечательно также и то, что этот термин относился и к лицам духовного сана Русской Православной Церкви («батюшка»). Синтезом этих мотивов является фигура командира, который любит и заботится о своих подчиненных как «отец-командир», но если последний является лицом более отстраненным от рядового солдата, то «батя» имеет непосредственную духовную связь со своими подчиненными и интересуется их жизнью и нуждами. В ситуации, когда в рамках армейской жизни личность человека зажата в узких рамках устава и традиций, такая вовлеченность со стороны командира высоко ценится солдатами. Примечательно также, что слово «батя» созвучно с сокращенным наименованием должности командира батальона – «комбат». А комбат это наиболее высокая командная инстанция, которая еще находится в непосредственном контакте со всеми уровнями своих подчиненных. Численность полка уже не позволяет его командиру знать всех своих солдат и вникать во все их нужды, а командир батальона еще может добиться такой вовлеченности. И получается, что «батя» – это лицо не только юридическое, но и духовное в определенном отношении, так как заботится о морально-психологическом состоянии своих подчиненных.

Третий архетип командира это «папа». Согласно нашей гипотезе термин «папа» появился в числе жаргонизмов уже советской армии в 1960-е годы, что было связано с рядом явлений и процессов. Прежде всего, имеется в виду военная реформа 1967 года, когда на один год был сокращен срок службы по призыву, и лицам с криминальным прошлым было разрешено проходить срочную службу. Эти и еще целый ряд факторов способствовали формированию нового морально-психологического климата в советской армии, наиболее известным элементом которой была «дедовщина». Военнослужащие с криминальным опытом привнесли в армейский быт много характерных для криминальной среды традиций, таких как ритуальные наказания, жаргон и вообще сам характер межличностных отношений. Слово «папа» на криминальном жаргоне означало главаря преступной группы или начальника отряда в ИТК. Попав в армейскую среду, этот термин стал означать командира части, которому подчиняются из страха наказания или следуют за ним, потому что он сильнее всех остальных потенциальных «главарей». Это уже не «отец-командир», который несет ответственность за своих подчиненных перед своей офицерской честью и вышестоящими начальниками, включая императора (или другое высшее лицо в государстве). «Папа» использует подчиненных в своих интересах и не несет ответственности ни перед кем. Формированию такого образа командира способствовало учащение практики использования солдат на нелегальных хозяйственных работах. При этом эмоциональное содержание слова «папа» было негативным. Военнослужащие хорошо чувствовали отношение к себе со стороны такого командира и не испытывали к нему уважения.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00240).

ИДЕОЛОГИЯ И ЭТИКА В ПРАВОСЛАВНОМ ОТНОШЕНИИ К ВОЙНЕ

А. С. Меньшиков

В современных исследованиях православное отношение к насилию и войне изучается на основе анализа «теоретических предпосылок милитаристского дискурса в современном российском православии» [1, с. 559] или же анализа «легитимации реальных войн, общественных конфликтов» [2, с. 11] с целью раскрыть «социокультурные установки, присущие православной традиции, задающие некий тип воинствующей религиозности, именуемый "воинствующее благочестие"» [3, с. 1]. Как указывают сами авторы, главной их опорой является теоретическая рамка «космической войны», заимствованная из работ М. Юргенсмайера, под которую и подбираются примеры из канонических, богословских,